

Дары младенца Христа-Джордж Макдональд

Макдональд Джордж

Дары младенца Христа

Джордж МакДональд

Дары младенца Христа

перевод Светлана Лихачева

Глава 1.

- Паства моя, все мы стареем, - говорил священник. - Но будь то лето или весна надежд наших, осень вскорости сменится зимой, той зимой, снега которой тают только в могиле. Ветер мира дует в сторону кладбища. Одни радуются, уносясь вперед на его стремительных крыльях, и слыша, как ревет он в безднах земных и небесных, но ветер сей обернется ужасом для смертного, чей шаг нетверд, а мозг иссох, и со временем затоскует человек о пристанище, и захочет укрыться в могиле от ударов и гула. Счастлив тот, кто и тогда не усомнится: сама старость, с ее увяданием и немощью, и скорбными грезами о юности, есть наказание Господне, верный знак любви Отца нашего.

То было первое воскресенье рождественского поста; но "наказание Господне" упоминалась почитай что в каждой проповеди священника.

"Красноречиво, спору нет. Вопрос в другом: правда ли это?" размышлял про себя прихожанин лет тридцати, чинно внимавший словам проповеди. На протяжении многих лет он полагал, что верит во все это - но с некоторых пор отчасти утратил уверенность.

Рядом с ним сидела его жена, в новом зимнем капоре; ее прелестное личико было обращено к священнику, но глаза - ничего более! - выдавали правду: она не слушала. Она была куда моложе супруга - ей едва исполнилось двадцать.

В уголке скамьи примостилась бледная девочка лет пяти: засунув пальчик в рот, она неотрывно глядела на священника.

Проповедь закончилась, и семейство отправилось домой - пешком, ибо особняк находился поблизости. Муж мрачно хмурился и смотрел в землю. Жена улыбалась, но как-то невесело, и постреливала прелестными глазками туда-сюда. Девочка шагала позади - размеренной поступью, глядя прямо перед собою.

Этот район застроили не так давно: по обе стороны высились огромные, безликие особняки; к одному из них и свернули пешеходы. Дверь в столовую была открыта; в глубине комнаты виднелся стол, накрытый к воскресному обеду. Джентльмен проследовал в библиотеку, дама поднялась в спальню, а девочка - чуть выше, в детскую.

До обеда оставалось около получаса. Мистер Гриторекс уселся, забарабанил пальцами по ручке кресла, взял книгу о полярных исследованиях, снова швырнул ее на стол, встал и отправился в курительную комнату. Владелец дома построил ее ради жены, но зачастую радовался ей и в собственных интересах. Он снова уселся в кресло, зажег сигару и угрюмо закурил.

Поднявшись в спальню, миссис Гриторекс сняла капор и постояла минут десять, вертя его в руках. Молодая женщина сосредоточенно изучала головной убор - то изгибала так и этак проволочный стебелек цветка, то расправляла бант. Она скорее размышляла, чего же убору недостает до полного совершенства, нежели обдумывала его достоинства: она обожала капоры.

Маленькая Софи - или Фоси (так она сама себя называла, поменяв согласные местами, как оно зачастую

водится у детей) застала няню Элис в детской. Но няня Элис с головой ушла в чтение некоего лондонского еженедельника, весьма отвечающего ее нынешнему настроению, так что, когда ребенок вошел, она даже не подняла глаз. Фоси кое-как стянула перчатки и с еще большим трудом развязала шляпку. Затем она сняла жакет, пригладила волосы и забилась в свой уголок. На детском стульчике лежала огромная, выдавшая виды кукла; девочка осторожно переложила ее на кровать, сама уселась на ее место, добыла из-под стула книжечку, оставленную там перед уходом, расправила юбки и, засунув палец в рот, принялась читать. То была вредная книга: чаша, до краев наполненная убогой, своекорыстной религией, такие всегда возникают, словно сыпь, тут и там на теле Церкви, вне всякого сомнения, избавляя организм от дурных соков, порожденных недостатком здоровой крови или приливом самосохранения. Удивительно, из какого гнилого плода дети зачастую черпают сладость.

Но девочка недалеко продвинулась в чтении; мысли ее снова и снова возвращались к фразе, что преследовала ее с тех самых пор, как Фоси впервые пошла в церковь: "Кого Бог любит, того и наказует".

"Ах, кабы Бог наказал меня!" - подумала она в сотый раз.

Маленькая христианка и не подозревала, что вся ее недолгая жизнь доселе являлась нескончаемым наказанием - немногим детям выпадало жить в атмосфере столь пасмурной.

Элис отшвырнула газету, выглянула в окно, выходившее на задний дворик соседнего дома, никого не увидела, кроме старика-слуги, вычищающего пальто, и обернулась к Софи.

- Ну и кто станет убирать за вас жакет, мисс, хотела бы я знать? резко осведомилась она.

Малышка встала, распахнула дверцу гардероба, подтащила к нему стульчик, вернулась к кровати за жакетом, взобралась на стульчик и, попытавшись дотянуться до вешалки, не удержалась на ногах и с грохотом кувырнулась прямо в недра гардероба.

- Вот неумеха! - сердито воскликнула няня, ухватила девочку за руку, рывком выдернула ее на свет и основательно встряхнула.

Обычно Элис не обращалась с девочкой грубо, но сегодня на то были причины.

Фоси побрела обратно к стульчику - бледная и напуганная; впридачу она слегка ушиблась. Элис убрала жакет на место, закрыла гардероб и, обернувшись к зеркалу, висевшему на противоположной стене, залюбовалась на собственное прелестное личико и стройную фигурку. Раздался звонок на обед.

- Ну вот, доигралась! - воскликнула она, резко разворачиваясь к Фоси. - И до сих пор не причесана! стыдно, мисс! Ничегошеньки-то не сделает без напоминания! Слава Богу, недолго мне с тобой осталось мучиться! Но жалко мне ту, что придет на мое место; ох, до чего жалко!

- Если бы только Бог наказал меня! - проговорила про себя девочка, вставая и со вздохом откладывая книжку.

Няня грубо ухватила Фоси за руку и расчесала ей волосы со свирепой поспешностью, отчего на глаза у девочки навернулись слезы, а сама Элис при виде этого слегка устыдилась.

- Ну как можно любить такую несносную девчонку? - спросила няня, обращаясь за успокаивающим оправданием к самому ребенку.

Бедная малютка только вздохнула в ответ. Очень бледная и серьезная, она вошла в столовую.

Мистер Гриторекс был коммерсантом из Сити. Впрочем, от человека в нем было больше, нежели от коммерсанта, чего обо всех коммерсантах не скажешь. Кроме того, он отличался большей щепетильностью в ведении торговых дел, нежели некоторые его конкуренты, числившиеся, тем не менее, на столь же хорошем счету, сколь и он; но, с другой стороны, у него хватало низости гордиться собственной честностью, словно он мог бы обойтись без нее, и при этом высоко держать голову.

Около шести лет назад мистер Гриторекс женился, чтобы доставить удовольствие родителям; а год назад женился снова, чтобы доставить удовольствие себе. Его первая жена была умна, образованна, сердечна - но, увы, ей недоставало индивидуальности; во всяком случае, для того, чтобы отразить индивидуальность мужа. В результате муж считал ее скучной. Тем не менее, он был добр и снисходителен, и даже лучший друг миссис

Гриторекс не слишком винил мистера Гриторекс за то, что тот держится в границах разумной мужней привязанности, и не более. На самом-то деле у жены его были великие задатки, вот только развиться им не пришлось, и когда она умерла, спустя две недели после рождения Софи, муж даже не подозревал о том, что за необъятный кладезь несостоявшихся талантов утратил вместе с ней.

Девочка так походила на нее и внешностью, и манерами, что непрестанно напоминала отцу о постылой матери; а мистер Гриторекс слишком мало любил и ту, и другую, чтобы обнаружить, что в известном смысле, столь же истинном, сколь и чудесном, дитя явилось тем самым бутонем, в котором запоздалый цвет материнского характера еще мог со временем достичь совершенства. Только любовь наделяет проницательностью, а отец видел в дочке всего лишь миниатюрное издание фолианта, как ему казалось, отложенного им навсегда в пыль земного чулана. Так что, вместо того, чтобы увлажнять корни крохотного одушевленного саженца из колодезя любви, до сих пор в отношении к дочке он воспринимал только одно: он по закону ответственен за ее существование и, следовательно, обязан обеспечить ей кров и стол. Если бы мистер Гриторекс сам себя допросил, он ответил бы, что в любви нехватки нет, любовь всего лишь ждет своего часа: чтобы девочка повзрослела и развилась в нечто, способное его заинтересовать.

От первого брака мистер Гриторекс не вправе был ожидать многого; однако же он лелеял некоторые надежды, довольно неопределенные, это верно, но, судя по всему, не столь уж и слабые, ибо в них он разочаровался. Однако, избавившись от тягостных уз, он льстил себе, полагая, что носил их не зря, но благодаря им постиг женщин - и ныне может похвастаться осведомленностью столь же редкой, столь и глубокой! Но какую бы глубиной не отличались его познания, он самонадеянно рассчитывал так выбрать и так сформировать сердце и ум женщины, чтобы они стали вогнутыми зеркалами его собственных. Не стану утверждать, что он согласился бы с подобным сравнением, но именно к такому итогу он слепо стремился. Знать бы, сколь многие из тех, чьи сходные попытки окончились неудачей, в результате осознали, какой непоправимой бедой обернулся бы успех для обеих сторон! Достаточно плохо уже и то, что теории Августа Гриторекса помешали его собственному духовному росту; было бы в десять раз хуже, если бы они обеднили чужую душу.

Летти Мереуэзер была дочерью епископа *in partibus*¹. Она родилась относительно невинной, выросла более чем относительно миловидной, и, в возрасте шестнадцати лет приехав в Англию, являла собою "чистую табличку" Локка²: лучшего образчика и не могло попасть в руки экспериментатора, коим мечтал стать Гриторекс.

В своих исканиях он преуспел - пожалуй, даже слишком легко. Он полюбил девушку - или, по крайней мере, полюбил искаженное ее отражение в собственном сознании; в то время как она, искренне восхищаясь достоинством, внешностью и умом человека, чье ухаживание льстило ее самолюбию, выказывала жениху достаточно уважения, чтобы поощрить его самые тщеславные надежды. Хотя знала она мало, порхая лишь по поверхности бытия, у Летти хватало ума понять, что он рассуждает с нею о серьезных вещах, и хватало глупости поставить это себе в заслугу, в то время как до смысла как такового ей дела не было. И Гриторекс, даже не подозревая, к чему предназначен сей неограниченный кристалл, самонадеянно рассчитывал придать ему желаемую форму! Сим честолюбивым замыслам Провидение не позволяет сбыться; тот, кто почитает себя скульптором, на самом деле - не более, чем резец, или даже молоточек в руке истинного ваятеля.

Итак, в дни ухаживания Летти слушала да улыбалась, либо отвечала тем, что жених принимал за духовный отклик, в то время как то было лишь эхо мысли. Заглядывая в заводи бытия, гладь которой еще не растревожили струи донных источников, он видел свое отражение - и это его устраивало. Одаренный человек, оседлавший своего "конька", кажется кентавром мудрости и безрассудства; но если он и впрямь хоть сколько-нибудь мудр, в один прекрасный день скакун обернется клячей и сбросит седока на землю. А пока Август Гриторекс был одурачен - не бедной маленькой Летти, которая и не смогла бы его одурачить; нет, он обманывал сам себя. Летти не притворялась; она была искренне заинтересована - и выказывала интерес; она понимала, или казалось, что понимала рассуждения жениха - и напрочь забывала о них в следующую минуту; у нее не нашлось карманчика для этих мыслей, она не знала, что с ними делать - и роняла их в Лимб Тщеславия. Со дня свадьбы не прошло и недели, а предвестники грядущего разочарования не заставили себя ждать. Какое-то время Август мужественно сопротивлялся. Но правда заключалась в том, что им обоим еще предстояло неизмеримо возвыситься над нынешним своим состоянием, прежде чем согласие станет возможным. Он пытался заинтересовать жену то одним предметом, то другим - сперва испробовал, стыдно сказать, политическую экономию. Он вручил жене книгу, и, вернувшись домой к ужину, обнаружил, что дальше первой страницы Летти не продвинулась. Впрочем, у нее было превосходное оправдание, а именно: на помянутой странице она не поняла ни единой фразы. Супруг осознал свою ошибку и решил прибегнуть к поэзии. Но Мильтон³, с которого, к несчастью, он начал наступление, показался Летти если и не столь невразумительным, то столь же скучным. Август попытался обучить ее азам науки, но преуспел ничуть не

больше. Он вернулся к поэзии и прочел вместе с женою несколько глав из "Королевы фей"; он рассказал ей о поэме в подробностях; она заинтересовалась (или сделала вид, что заинтересовалась) и выказала желание почитать дальше в его отсутствие, но первая же строфа ее утомила - ведь рядом не было мужа, способного вдохнуть жизнь в эти строки. Она ничего не могла дать поэме, и поэма ничего не давала ей взамен. Полагаю, Летти всякий день прочитывала главу из Библии, однако неподдельный интерес в ней вызывали только романы определенного сорта, Августу внушавшие презрение. Ему и в голову не приходило, что следует незамедлительно подружиться с этим несправедливым Момусом, ведь с его помощью он отыскал бы вход в комнату за семью печатями. Ему следовало прочесть вместе с женой те книги, что ей и впрямь нравились, ибо только с их помощью он смог бы заставить ее думать и только отталкиваясь от них, смог бы привести жену к лучшему. Только с той самой ступени, на которой стоишь, возможно шагнуть на следующую. Помимо дешевых романов, ее система мироздания включала в себя только моды, наряды, визиты, парк, приятельский круг, концерты, пьесы, посещение церкви - все то, что могло отразиться в матовом стекле ее камер-обскуры, - что вызывало интерес движением теней и красок в ее полутемной комнате. Без них, в глубине души она сочла бы жизнь невыносимой, ибо она еще не взошла на отведенный ей трон, но резвилась на полу детской, окруженная игрушками, имитирующими жизнь.

Неудивительно, что Август в итоге вынужден был признать, что разочарован. То, что винить следовало лишь собственную самоуверенность, дела не улучшало. Он был слишком человечен, чтобы не сохранить долю нежности к жене, но вскорости к вящему своему ужасу обнаружил, что к этой нежности примешался оттенок презрения. Он боролся - но с переменным успехом. Он все позже и позже задерживался в Сити, а по возвращении домой все больше времени проводил в курительной комнате, что мало-помалу обрастала книжными полками. Изредка он принимал приглашение на ужин и сопровождал жену в гости, но он терпеть не мог вечеринок, и когда Летти, которая по доброй воле никогда не отклоняла приглашений, отправлялась в гости, он оставался дома наедине с книгами. Но и книги утратили былую привлекательность. Он сделался беспокойным и раздражительным. Что-то точило его сердце. В нем образовалась язва. Язва

распространялась все дальше и дальше, и, мало-помалу центр его сознания превратился в кровоточащую рану; его любимая идея себя не оправдала, он принял недалекую девчонку за одаренную женщину, чьи великие задатки еще не успели развиться; мыльный пузырь, на

поверхности которого переливаются цветные краски - за кристалл в форме сердца.

В свою очередь, Летти тоже горевала, но, в отличие от Августа, не скрывала своих обид, а подруги-утешительницы наперебой уверяли ее, что все мужчины таковы; для них женщины - только игрушки; едва игрушка им прискутит, они отбрасывают ее в сторону. Летти не понимала, что сама превращает жизнь в игрушку и что Август прав, отказываясь играть с предметом настолько дорогостоящим и хрупким. Август тоже не понимал, что, допустив промах и женившись на неразумном ребенке, он должен обращаться с женой именно как с ребенком; ведь негоже заставлять ребенка расплачиваться за собственную оплошность - по крайней мере, намеренно. Не навязывая собственной зоркости, но лишь промывая закрытые веки котят в человеческом облики, возможно помочь им.

Все это время бедная малышка Фоси находилась на попечении Элис, смышленной, легкомысленной, добросердечной, тщеславной особы. Няня нечасто обращалась с ней настолько грубо, как мы только что наблюдали, но почти не занималась с девочкой, предоставив ее самой себе. Как часто Фоси сидела в детской одна-одинешенька, мечтая о том, чтобы Господь наказал ее - ведь тогда Он ее полюбит!

С первым блюдом почти покончили, когда Август, наконец, заставил себя спросить:

- Ну, как тебе сегодняшняя проповедь, Летти?

- Так себе, - отозвалась Летти. - Я не люблю велеречия; по мне, простота куда предпочтительнее.

Август недовольно промолчал. Летти, сама того не зная, ценила в проповеди именно велеречие: то, что ему казалось вздорным краснобайством, пеной из священных слов, взбитой мутовкой риторики, очаровывало Летти; в то время как, если проповедник, вроде того, которого они слушали в тот день, увлекался мыслью, что так и рвалась с языка, результатом, по ее мнению, являлось витийство, а целью - показное рвение. В оправдание ей следует вспомнить, что Летти привыкла к стилю отца, а его бы никто не осудил за недостаток сдержанности.

Спустя какое-то время она снова заговорила:

- Гус, миленький, ты не надумал сопроводить меня завтра к леди Ашдейл? Мне ужасно стыдно, что я так

часто появляюсь в гостях без тебя.

- Есть и другой способ избежать этой неприятности, - сухо заметил муж.

- Ах ты, жестокий! - игриво возразила Летти. - Увы, в этот раз я не могу не пойти, я обещала миссис Холден.

- Ты знаешь, Летти, - сказал муж, помолчав немного, - сейчас ведь тебе никак нельзя переутомляться. Задерживаясь допоздна в душевых комнатах, ты ставишь под угрозу две жизни - помни об этом, Летти. Если бы завтра ты осталась дома, я бы вернулся пораньше и весь вечер читал бы тебе вслух.

- Гусси, это было бы восхитительно! Ты же знаешь, ничто в мире не доставит мне такого удовольствия. Но в этот раз я просто не могу не пойти.

Она принялась со вкусом перечислять всех великих ничтожеств и незначительных знаменитостей, которые приглашены на вечер и которых ей просто необходимо повидать; возможно, это ее единственный шанс!

Август уже собирался ответить саркастическим замечанием, но эти последние слова заставили его умолкнуть. Весь вечер он был добрее к жене, чем обычно, и почитал ей на сон грядущий "Путь паломника"⁴.

Фоси сидела в уголке, слушала и все понимала. А если и не понимала кое-чего, то было честное непонимание, от которого большого вреда не случается. Ни отец, ни мать ни разу не заговорили с девочкой, покуда не настало время пожелать ей доброй ночи. Никто из них не умел разглядеть истосковавшегося сердечка под маской недвижимого личика. Отец полагал, что она еще слишком мала для "формирования", без которого ей лучше было бы обойтись, а ее мачехе еще предстояло стать матерью, прежде чем она смогла бы по достоинству оценить дитя.

Фоси отправилась спать и снилась ей Долина Уничуждения.

Глава 2.

На следующее утро Элис уведомила хозяйку о том, что намерена уволиться. Не ожидавшая ничего подобного Летти пришла в ужас.

- Элис, - отозвалась она, помолчав, - неужели ты меня оставишь в такое время?

- Мне очень жаль, ежели причиняю вам неудобства, мэм, но выхода у меня нет.

- Почему, Элис? Что произошло? Или Софи тебя не слушается?

- Нет, мэм, этот ребенок и мухи не обидит.

- Тогда в чем же дело, Элис? Или ты выходишь замуж раньше, чем собиралась?

Элис слегка вздернула подбородок, поджала губки и промолчала.

- Я всегда была к тебе добра, - продолжала хозяйка.

- Согласна, мэм, так ведь и я никогда не жаловалась! - подтвердила Элис, но при этих словах с достоинством выпрямилась.

- Так в чем же дело? - настаивала хозяйка.

- Дело в том, мэм, что я больше не в силах выносить домашнего рабства! - выкрикнула девица исступленно.

- Ничего не понимаю! - отозвалась миссис Гриторекс, пытаясь улыбнуться, но тщетно, и от этого показавшись более рассерженной, нежели на самом деле.

- Я имею в виду, мэм - не вижу, почему бы мне и не выложить все напрямую, коли это чистая правда! - насквозь прогнили основы того общества, где один человек принужден делать грязную работу за другого. Я не прочь мести полы в собственном доме, но за других - извини-подвинься! Хватит мне унижаться! Ясно вам?

- Выйди из комнаты, Элис, - приказала миссис Гриторекс, и когда, вскинув голову и громко фыркнув,

девица исчезла за дверь, та разрыдалась от досады и гнева.

Прошел день. Настал вечер. Миссис Гриторекс оделась без привычной помощи Элис и вместе с подругой отправилась к леди Ашдейл. Последствия дня не замедлили сказаться: подавленное состояние сменилось нездоровым возбуждением. Она даже потанцевала немного - к вящему негодованию одной-двух зорких матрон, сидевших у стены.

Вернувшись домой, она обнаружила, что муж не ложится, дожидаясь ее. Он почти ничего не сказал и просидел за книгой еще час.

Ночью ей сделалось дурно. Мистер Гриторекс кликнул Элис, а сам побежал за доктором. На протяжении нескольких часов положение больной оставалось весьма серьезным, но к полудню ей заметно полегчало. Оставалось лишь соблюдать величайшую осторожность.

Как только Летти снова смогла говорить, она рассказала мужу про уведомление об уходе, полученное от Элис, и тот вызвал девушку в библиотеку.

Элис предстала перед хозяином: щечки ее покраснелись, а глаза метали пламя.

- Я так понимаю, Элис, что ты собралась увольняться, - мягко начал он.

- Да, сэр.

- Твоя хозяйка очень больна, Элис.

- Да, сэр.

- Тебе не кажется, что было бы черной неблагодарностью покинуть ее в таком состоянии? Похоже на то, что она очень скоро окрепнет и поправится.

Слово "неблагодарность" сослужило ему дурную службу. Элис пожелала узнать, и за что же это ей следует быть благодарной? Или ее работа ничего не стоит? И хозяин, как оно и подобает любому, претендующему лишь на то, что дается по доброй воле, почувствовал, что неправ.

- Ну, Элис, этого мы обсуждать не будем, - отозвался он, - но если ты и впрямь собралась уйти в конце месяца, за оставшееся время постарайся сделать для хозяйки все, что в твоих силах.

Снисходительность хозяина заставила Элис отчасти примириться с обидой. Мистер Гриторекс всегда внушал ей немалое почтение, и девушка вышла из комнаты более спокойной, нежели вошла.

Летти две недели не вставала с постели и слегка поразмыслила над происходящим.

На следующий день после того, как больная впервые переступила порог комнаты, Элис попросила разрешения переговорить с хозяином и сообщила ему, что никак не может остаться до конца месяца; ей нужно срочно поехать домой.

В течение последних двух недель она преданно заботилась о хозяйке; поведение столь необычное должно было иметь под собою некое объяснение.

- Ну же, Элис, признавайся, - увещевал мистер Гриторекс, - что за всем этим кроется? До недавних пор ты была доброй, благонравной, услужливой девушкой; я уверен: ты никогда не стала бы так себя вести, если бы все шло своим чередом. Где-то что-то не заладилось, верно?

- Не заладилось, сэр! Никоим образом, сэр! Тоже мне, "не заладилось": старый дядюшка умирает и оставляет целую кучу деньжищ - поверенные говорят, тысячи и тысячи!

- И деньги переходят к тебе, Элис?

- Мне причитается моя доля, сэр. Дядюшка завещал поделить деньги поровну между всеми племянниками и племянницами.

- Да ты, выходит, теперь богатая наследница, Элис! - отозвался хозяин, про себя весьма сомневаясь, что состояние и впрямь так уж велико, как расписывает девица. - Но тебе не кажется, что как-то несправедливо

получается, ежели твое счастье обернется несчастьем для миссис Гриторекс?

- А что тут поделаешь-то? - фыркнула Элис. - До сих пор счастье хозяйки оборачивалось несчастьем для меня, согласитесь, сэр? Так почему бы нам и не поменяться местами?

- Не вижу, с какой стати счастье твоей госпожи возможно назвать несчастьем для тебя, Элис.

- Да это любому видно, сэр, ежели человек не ослеплен классовыми предрассудками.

- "Классовыми предрассудками!" - воскликнул мистер Гриторекс, не веря ушам своим.

- Есть такое слово, сэр: сама слышала! Так ведь яснее ясного: кабы хозяйка не оказалась побогаче меня, она бы не смогла нанять меня в услужение - как вы это называете.

- Это и впрямь очевидно, - отозвался мистер Гриторекс. - Но предположим, никто не мог бы себе позволить нанять тебя в услужение: и что бы с тобой случилось бы?

- К тому времени народ отстоял бы свои права!

- Права на что? На наследство вроде твоего?

- Да хотя бы на хлеб с сыром, - нахально возразила Элис.

- Да, но у тебя было кое-что получше, чем хлеб и сыр.

- Дом у вас и впрямь не бедный, сэр, и жаловаться мне не на что, да только это все едино, покуда благоденствие это зиждется на домашнем рабстве - и оправданий подобной гнусности нет и быть не может.

- Тогда, вне всякого сомнения, теперь, хотя ты и сделалась состоятельной дамой, ты и не помыслишь о том, чтобы нанять служанку, предположил хозяин, от души забавляясь: нечасто приходится наблюдать человеческую натуру во всей ее полноте!

- Одно скажу, сэр: теперь моя очередь; и я никому не позволю собой помыкать! Уж что-что, а долг перед собой я помню!

- А я и не знал, что существует и такой долг, Элис, - заметил хозяин.

Что-то в его тоне не понравилось девушке.

- Так вот теперь узнали, сэр! - отрезала она и выбежала из комнаты.

В следующее мгновение, однако, устыдившись собственной грубости, Элис вернулась, говоря:

- Не хочу никого обидеть, сэр, но мне и впрямь страсть как надо домой. Брат у меня расхворался: хочет меня повидать. Ежели вы не возражаете, чтобы я съездила домой на месяц, я обещаю вам вернуться и ходить за хозяйкой до конца срока - то есть в качестве подруги, сэр.

- Но сперва послушай меня, Элис, - проговорил мистер Гриторекс. - Мне в свое время приходилось иметь дело с завещаниями, и я уверяю тебя: прежде чем ты сможешь распорядиться деньгами, пройдет, по всей вероятности, никак не меньше года. Разумнее было бы сохранить за собою место до тех пор, пока вопрос с наследством не уладится. Ведь никогда не знаешь, что может случиться. Ото рта до ложки длинная дорожка, знаешь ли.

- Да нет, здесь-то все в порядке, сэр! Все знают, что деньги остались племянникам и племянницам, а мы с братом ничем не хуже прочих!

- Не сомневаюсь; и все-таки, прислушайся к моему совету и сбереги надежную крышу над головой, до тех пор, пока не обзаведешься новой.

Элис только вздернула подбородок и не без вызова осведомилась:

- Так я могу уехать на месяц, сэр?

- Я поговорю с хозяйкой, - отозвался мистер Гриторекс, не будучи уверен, что такое соглашение придется

по душе его жене.

Но на следующий день миссис Гриторекс имела долгую беседу с Элис, и в результате было решено: в следующий понедельник девушка уедет домой на месяц, а затем вернется еще месяца на два по меньшей мере. То, что мистер Гриторекс сказал о завещании, возымело эффект, и, к тому же, хозяйка искренне порадовалась ее удаче. О Софи никто не беспокоился; девочка никому не причиняла хлопот, и предполагалось, что за нею присмотрит горничная.

Глава 3.

Воскресным вечером воздыхатель Элис, прослышав, не от нее самой, но окольным путем, что та на следующий день уезжает домой, явился на Уимборн-сквер, изрядно озадаченный - как самим поступком, так и тем, что девушка не сочла нужным поставить его в известность. Он работал столяром-краснодеревцем в респектабельном магазинчике по соседству, и по образованию, способностям и личным своим достоинствам далеко превосходил Элис - прежде это ей изрядно льстило, а теперь придавало известную пикантность перемене, что, по ее мнению, в корне переиначила их былые взаимоотношения. Исполненная сознания новообретенной значимости, Элис встретила его, задрапировавшись в плащ неопишуемой отчужденности. При первом же слове Джону Джефсону померещилось, что голос ее доносится словно с противоположного берега Английского канала. Бедняга недоумевал, гадая: что он такого натворил, или, скорее, что он натворил или сказал в воображении Элис, чтобы она так раскипятилась.

- Элис, милая, - начал он, ибо Джон был из тех людей, что сразу берут быка за рога, - в чем беда? Что на тебя нашло? Ты нынче сама не своя! Я тут прознал, что ты уезжаешь, а мне и не словечка! Что я такого сделал?

В ответ Элис только вздернула подбородок. Она ждала подходящего момента, дабы ослепить поклонника роскошью и величием повергнуть в ничтожество. Печальная правда заключалась в том, что Элис уже сомневалась, а стоит ли поощрять его на прежних условиях; разве она не стояла на цыпочках, подобрав юбки, на берегу ручья, что разделяет плебейство и знать, разве не готовилась изящно переступить на другой берег, оставляя позади домашнее рабство, красные руки, чепчики и покорность? Так как же ей выйти замуж за парня, у которого грязные ногти, а одежда пропахла клеем? Ей подобало, приличия ради, сразу дать ему понять, что с ее стороны обратить на него внимание - и то несказанное снисхождение.

- Элис, девочка моя! - снова принялся увещевать Джон.

- Мисс Кокс, если угодно, Джон Джефсон, - возразила Элис.

- Да что на тебя нашло? - воскликнул Джон, и в голосе его впервые прозвучало негодование. - Ну, ежели ты сама от себя отрекаешься, так пусть будет мисс Кокс. Сдается мне, что и сам я - уже не я; словно влез в чужую шкуру, или, по крайней мере, приставил к собственной голове чужие уши. В жизни своей не видывал и не слыхивал, чтобы Элис так себя вела! - добавил он, мрачно и изумленно оборачиваясь к горничной за словечком сочувствия.

Это движение не пришлось по душе Элис, и она решила, что пора себя обелить.

- Видишь ли, Джон, - изрекла она с достоинством, поворачиваясь к нему спиной и притворяясь, что стряхивает пыль с абажура, - есть вещи, которые не во власти женщины, и, стало быть, ни один мужчина жаловаться не вправе. Не то, чтобы я нарочно так поступила, либо

взяла да и переменилась - не больше, чем если бы это приключилось со мною еще в колыбельке. Что я могу поделать, коли мир меняется? Разве я виновата? - ответь! Не то, чтобы я сетовала, но говорю тебе: это не я, это обстоятельства взяли да переменились, а коли уж обстоятельства переменились, так к былому возврата нету, и тебе пристало обращаться ко мне "мисс", Джон Джефсон.

- Шут меня побери, если я понимаю, к чему ты клонишь, Элис! То есть мисс Кокс! - прощения прошу, мисс. Шут меня побери, если понимаю!

- Не ругайся, Джон Джефсон - тем паче в присутствии леди! Неприлично это.

- Сдается мне, мисс Кокс, что ветер подул из Бедлама5, или, может, из Кольни Хэтч, - отозвался Джон: среди сотоварищей он слыл за остряка. - С леди я бы вольничать не посмел, мисс Кокс, но да позволено мне будет спросить, в чем тут шутка...

- Тоже мне, шутка! - воскликнула Элис. - По-твоему, умерший дядюшка и десять тысяч фунтов - это шутка?

- Господи спаси и помилуй! - отозвался Джон. - Ты серьезно, Элис?

- Еще как серьезно, и вскорости ты сам в этом убедишься, Джон Джефсон. Завтра я с тобой распрощаюсь.

- Да как же так, Элис! - в ужасе воскликнул честный малый.

- Правду говорю, - заверила Элис.

- Надолго ли? - задохнулся Джон, предчувствуя непоправимое бедствие.

- Поглядим, - отозвалась Элис: ей не хотелось умять эффект сообщения, упомянув об предполагаемом возвращении. - Да только непохоже, чтобы богатая наследница еще долго нянькалась с чужими детьми, - добавила она.

-- Но, Элис, - откликнулся Джон, - ты ведь не хочешь сказать... ты ведь не задумала... да быть того не может, Элис... ты просто вздумала подшутить надо мной...

-- Еще чего не хватало! - фыркнула Элис.

-- Я не про то, сама понимаешь! Я имею в виду, неужто теперь, со всеми этими деньжищами - шут их поberi! - неужто между нами все кончено? Элис, ты ведь так не думаешь! - воскликнул бедняга, проглотив застрявший в горле комок.

Ему приходилось куда как непросто! Выходило, что либо он претендует на деньги невесты, либо готов от нее отказаться.

- Ну, сам рассуди, Джон Джефсон, - ответствовала Элис, - пристало ли богатой молодой леди водить компанию с парнем, который и шляпу-то толком снять перед ней не умеет в парке?

Элис и вполнину не имела в виду того, что сказала: она всего лишь хотела подчеркнуть собственную значимость. Однако же другая половина сказана была всерьез, а для Джефсона больше и не требовалось. Он поднялся, глубоко задетый.

- До свидания, Элис, - проговорил он, беря девицу за руку, которую та не отдернула. - Ты отбрасываешь то, чего за все свои деньги не купишь.

Девица коротко и презрительно рассмеялась, а Джон вышел из кухни.

На пороге он обернулся и посмотрел на девушку долгим взглядом, но Элис и не подумала смягчиться. Она высокомерно отвернулась, вне всякого сомнения, упиваясь каждым мгновением своего триумфа.

На следующее утро она уехала.

Глава 4.

Мистер Гриторекс давно утратил интерес к Рождеству. От природы одаренный ярко выраженной склонностью к религиозности, со времен первого брака он перешел на сторону не то чтобы отрицания, но протеста, расходуя энергию на то, чтобы презирать чужие заблуждения, а подобное потворство мало способствует воспитанию собственной души в истине и праведности. Единственный, кого в этом отношении возможно оправдать - я не говорю, извинить, - так это тот, кто, будучи воспитан в заблуждениях, счел их легионом врагов, преграждающих путь к правде. Но, избавившись от них для себя самого, неразумно и бесполезно, полагаю я, снова атаковать их, разве что в качестве союзника тех, кто пробивается к правде через те же заслоны. Мистер Гриторекс развивал интеллект за счет сердца. А ведь у человека может быть светлый ум, а сердце - темное. Лучше быть совой, нежели зоркой птицей-киви. Он шел по дороге, что в итоге приводит к слепоте и неверию. Я полагаю, если бы он не забросил собственного ребенка, девочка уже давно заново зажгла бы для него рождественские свечи; но ныне разочарование, постигшее Гриторекса во втором браке, настолько притупило его сердце, что он начал воспринимать жизнь как событие крайне нелепое, в котором наиболее достоин зависти тот глупец, что еще надеется обрести идеал. Он шел по совершенно ложному пути, но еще не понял, что в ошибке его задействован элемент аморальный.

Ибо какое право имел он стремиться к тому, чтобы переделать женщину согласно собственным

представлениям? Разве ангел ее бессмертного Идеала не созерцает вечно лик Отца ее в небесах? В пользу мистера Гриторекса можно сказать одно: невзирая на свое разочарование и недостатки миссис Гриторекс, невзирая и на собственные свои недостатки, которые, при всей его образованности и цельности характера, были куда серьезнее ее слабостей, он оставался добр к жене; да, я могу сказать в его пользу, что, несмотря даже на ее глупость, этот тошнотворный недостаток, скрасить который не под вилу даже исключительной красоте, он все равно немножко любил жену. Потому забота, коей он окружал Летти в преддверии грядущего

испытания, была искренней; и подсказывалась не только желанием обрести сына, для которого он смог бы в полной мере стать отцом - по своему разумению, однако. В свой черед, Летти сгорала от нетерпения, словно девочка, которой пообещали куклу, умеющую открывать и закрывать глазки и плакать, если ее ущипнешь; ее легкомыслие в отношении благополучного появления малыша на свет проистекало от невежества, а не от безразличия.

Не может не показаться странным, что такой человек был настолько равнодушен к первому ребенку. Но с самого начала девочка болезненно напоминала ему мать, с которой, по правде говоря, он никогда не ссорился, но совместная жизнь от этого отраднее не становилась. Добавьте к этому, что мистер Гриторекс все больше увлекался коммерцией; а в человеке его талантов и его образования то - верный знак деградации в духовном плане. К любимым поэтам он уже давно не обращался. Историю едва не постигла та же участь; ныне он читал крайне мало, за исключением политических статей, книг о путешествиях и научно-популярных брошюр.

В том году Рождество пришлось на понедельник. Накануне Летти плохо себя чувствовала, и муж побоялся оставлять ее одну и в церковь решил не ходить. Про Фоси все напрочь позабыли, но девочка оделась сама и в назначенный час явилась с молитвенником в руках, готовая в путь. Когда отец сообщил ей, что никуда не пойдет, у девочки был настолько потрясенный вид, что мистер Гриторекс сжалился над малюткой, сам проводил ее до дверей церкви и пообещал встретить на выходе. Переступая порог, Фоси вздохнула с облегчением; у нее было смутное ощущение, что, приходя в церковь помолиться, она сможет уговорить Господа наказать ее. По крайней мере, Он увидит ее там и, может статься, задумается об этом. Впервые отец отнесся к ней с таким вниманием; впервые она удостоилась великой чести: ей дозволили одной пойти в церковь и сидеть на скамье самой по себе, словно она взрослая девушка. Но я сомневаюсь, что ее исполненная достоинства поступь свидетельствовала о гордыне, или что улыбка заключала в себе тщеславие нет, не улыбка, но пронизанная лучами дымка, туманная завеса, сотканная из улыбок, что окутывала ее милое, серьезное, похожее на витраж личико, пока она шла вдоль прохода между рядами.

Священник был из тех, о ком отец ее никогда не отзывался пренебрежительно; беспредельное доверие девочки к нему ни разу не было поколеблено. Кроме того, он всей душой верил в то, что делает Рождество праздником. Для него рождение чудесного младенца предвещало сотни необыкновенных событий в истории мироздания. То, что человек способен настолько убедить себя в истинности старой сказки, изрядно удивляло некоторых его друзей, тех, которые почитали слепую Природу извечной матерью и Ночь нетленной прародительницей всего сущего. Но малышка Фоси, в грезах или наяву, в церкви или в детской, с книжкой или с куклой, никогда не покидала волшебных угодьев и поверила бы, или попыталась бы поверить, всему, что не представлялось невозможным с точки зрения морали.

Что говорил священник, я повторять не стану, даже в отрывках; довольно упомянуть некий преображенный вклад, почерпнутый из потока его красноречия и запечатленный в сознании Фоси; из некоторых высказываний проповедника о рождении Христа в мире, в семье, в отдельной душе человеческой, девочка забрала себе в голову, что Рождество - это вовсе не день рождения, вроде как был у нее в прошлом году, но что, неким непостижимым образом, для нее объяснений не требующим, младенец Иисус рождается заново каждое Рождество. Что происходит с ним после, малютка не знала, и до сих пор ей не приходило на ум спросить, как же так получается, что он приходит в каждый лондонский дом точно так же, как в особняк номер 1 по Уимборн-сквер. Человек посторонний вряд ли счел бы его настоящим домом, но для нее это здание пока еще представлялось центром и сосредоточием всех зданий, и чудо еще не переполнило дом и не заплескалось за его пределами; в эту точку заводи и упадет извечный дар.

Зачитавшись, мистер Гриторекс забыл о времени, но сердечко девочки замирало в ожидании обещанного прихода, теперь уже столь близкого послезавтра! - так что, если она не и не позабыла оглянуться в поисках отца, спускаясь по ступеням церковного крыльца на улицу, то его отсутствие не вызвало у Фоси беспокойства. Едва она дошла до дома, мистер Гриторекс распахнул дверь, с запозданием спеша исполнить обещание; малютка поглядела на него с торжественной, неулыбчивой безмятежностью, рожденной духовным напряжением и безмолвным ожиданием, прошла мимо отца, не замедляя шага, и чинно поднялась по лестнице в детскую. Я полагаю, суть надежды ее заключалась в том, что когда младенец явится, она на коленях попросит его убедить Господа наказать ее.

Когда покончили с десертом, и мать расположилась на софе в гостиной, а отец в кресле с бутылкой любимого вина под рукой, Фоси неслышно выскользнула из комнаты и снова укрылась в детской. Там она потянулась к крохотной книжной полке и, вся проникнутая проповедью, как пористые туманы напоены солнечным светом, достала томик переводов с немецкого, вознамерившись перечитать один из рассказов - повествующий о приходе младенца-Христа с дарами в некий дом и о том, что он подарил всем и каждому; она сберегла удовольствие до сегодняшнего дня, хотя и борясь с искушением. Девочка уселась с книгой у очага: другого источника света в комнате не было. Когда горничная, вспомнив вдруг, что малышку надо укладывать спать, и в то же самое мгновение осознав, что запоздала на целый час, поспешила в детскую, она обнаружила, что Фоси крепко уснула в своем креслице, с книгой на коленях, а огонь в очаге догорел сам собой, и лишь багровый отблеск тускло мерцал в глубинных недрах темной пещеры. Сны, вне всякого сомнения, усилили впечатление проповеди и m(hrchenb, ибо, по мере того, как девочка сонно уступала рукам Полли, укладывавшим ее в постель, ее губки, бессознательно двигаясь в состоянии полудремы, но не сна, не раз и не два прошептали слова "Господь любит и наказует". Счастлив был бы я вступить в сны такого ребенка; наслаждался бы ими, словно пчела благословенным нектаром цветка кактуса.

Глава 5.

В канун Рождества звон церковных колоколов разносился в сумеречном воздухе Лондона, а ниже переливались огнями улицы, одетые облаком испарений. Самые яркие созвездия украшали мясные лавки, с выставленными на обозрение премированными тушами; вокруг них людские потоки бурлили и сталкивались особенно бурно. Но и лавки игрушек тоже ослепляли сиянием. Фоси сочла бы их сокровищницами младенца-Христа, сосредоточием тайны, и любая - наполнена до краев: тут и коробки, и бювары, и ветряные мельницы, и голубятни, и курочки с цыплятами, и кто знает, что еще? В каждой из лавок ее глаза высматривали бы младенца-Христа, дарителя всего этого изобилия. Ибо для Фоси в ту ночь он находился повсюду - вездесущий, словно переливчатый туман, окутавший Лондон; впрочем, тумана она почти не видела, только зарево над извозчичьим двором. Джон Джефсон шел вперед вместе с людским потоком, в центре всего этого шумного действа; но зрелище не доставляло ему удовольствия, слишком тяжело было у него на сердце. Он ни разу не подумал о младенце-Христе, или даже о Христе-взрослом, как дарителя чего бы то ни было. Только в рождении заключаются неизменные надежда и обещание для рода человеческого, но бедному Джону это Рождество не сулило ничего хорошего. Несмотря на репутацию остряка, он был из тех, что соображают туго и на подъем тяжелы - пошли, Господи, мне и моим близким такое же тугодумие и нерасторопность! - такие, раз полюбив, разлюбить не могут. За прошедшие две недели он весь извелся - так задело его обхождение Элис. Честный парень даже не пытался анализировать собственных чувств; он ощущал только отраду или боль, а об остальном и не ведал; но полагаю, что горевал он не только о себе. Подобно Отелло, он мысленно восклицал "какая жалость": он считал Элис правильной девушкой, относительно которой нет и быть не может никаких сомнений; и первый же жаркий порыв благоденствия унес ее прочь, словно иссохший лист. Что все эти лавки, разубранные остролистом и омелой, что ослепительные струи пламени газовых фонарей, что самые жирные премированные поросята для Джона, которому больше не суждено было представлять свиное ребрышко на воскресном столе между собою и Элис? А воображение его рисовало все новые картины: она снисходительно кивает ему из окна кареты, с грохотом проносясь мимо - а он устало плетется домой с работы к одинокому, стылому очагу. Уж ему-то не нужны ее деньги! Положа руку на сердце, он предпочел бы Элис без денег, нежели с деньгами, ибо теперь он воспринимал деньги как врага, видя, сколь пагубные перемены могут они совершить. "Верно, в них сам дьявол!" - говорил Джон себе. Правда, он никогда не усматривал дьявола в своем еженедельном заработке, однако отлично помнил, как однажды обнаружил нечистого в жалованье, полученном за весь месяц, сразу.

Пока он так размышлял про себя, из-за угла вдруг выехал экипаж, заставляя народ расступиться, и Джон уставился на него, гадая, а не восседает ли Элис внутри, пока он бредет по тротуару

один-одинешенек, - а Элис тем временем прошла мимо пешком, с другой стороны, и даже едва не столкнулась с ним; столяр обернулся и увидел, как молодая женщина с небольшим узелком исчезла в толпе. "Чем-то похожа на Элис!" - сказал себе Джон, разглядев встречную только со спины. Но, разумеется, это не могла быть Элис; Элис теперь надо высматривать в каретах! Вот ведь глупец: все девушки напоминают ему о той, единственной, которую он потерял! Может, если

заглянуть на Уимборн-сквер завтра... Полли - существо добросердечное! - глядишь, сообщит какие-нибудь новости об уехавшей!

Для миссис Гриторекс эти две недели обернулись тяжким испытанием. Она многое отдала бы за то, чтобы поговорить с мужем более откровенно, но она еще не научилась забывать о скованности в его обществе. Однако все это время он был добрее и внимательнее, чем обычно, размышляла про себя Летти ежели она

подарит ему сына, он непременно вернется к былому обожанию. Она говорила "сына", потому что всякий видел - до Фоси ему дела нет. Летти еще не обнаружила, что муж разочаровался в ней самой, однако, поскольку ее невнимательность к его пожеланиям навлекла на нее беду, она начала подозревать, что у мужа есть основания быть ею недовольным. Ей и в голову не приходило, что его доброта - не более чем попытка сознательной натуры мужественно повести себя в ситуации, которую иначе не поправишь. О собственной нищете духа и отсутствии каких бы то ни было заслуг она ведала не больше, чем о сокровищах архангела Михаила. Невозможно осознать собственное неразумие, не приобщившись

сперва к мудрости.

В тот вечер миссис Гриторекс сидела в гостиной одна (муж оставил ее, чтобы выкурить сигару), когда вошел дворецкий и сообщил, что вернулась Элис, но ведет себя до того странно, что в толк невозможно взять, что с ней делать. Осведомившись, в чем же состоит помянутая странность, и узнав, что главным образом в молчании и слезах, она не без удовольствия пришла к выводу, что девушку постигло некое разочарование, и прониклась любопытством в достаточной мере, чтобы выяснить, какое же. Так что миссис Гриторекс велела дворецкому прислать Элис наверх.

Возвращение Элис задолго до конца отпуска и ее подавленный, унылый вид яснее слов говорили о том, что надежды девушки пошли прахом, и горничная Полли, не на шутку разобиженная на ее "чванливость" при первом известии о выпавшей удаче, оказалась настолько невеликодушна, чтобы отомстить столь же болезненно, сколь злым было намерение. Она принялась во весь голос уверять, что никакие блага на свете, вроде тех, что, как она, якобы, полагала, выпали на долю Элис, не заставили бы ее повести себя так, чтобы пригожий да честный парень вроде Джона Джефсона поневоле взглянул на нее с презрением и стал водить компанию с теми, кто ее получше. Когда пришел ответ от хозяйки, Элис была только рада покинуть кухню и обрести убежище в гостиной.

Едва переступив порог, девушка бросилась на колени у изножья дивана, на котором расположилась ее госпожа, закрыла лицо руками и безутешно разрыдалась.

Во внешности ее произошла перемена не менее разительная, нежели в манере держаться. Она побледнела и осунулась, взгляд стал затравленным, девушка превратилась в собственную тень. Долгое время хозяйке не удавалось успокоить ее настолько, чтобы вытянуть рассказ: слезы и рыдания, и отвращение к себе самой замкнули ей уста.

- О, мэм! - воскликнула она наконец, заламывая руки. - И как же мне вам все рассказать? Да вы со мной и разговаривать не захотите. Вот уж не думала, не гадала, что ждет меня такой позор!

- Не твоя вина, если тебя ввели в заблуждение, - отозвалась хозяйка, - или если дядя оказался не так богат, как тебе представлялось.

- Ох, мэм, тут-то никакой ошибки нет! Дядя оказался чуть не в два раза богаче, чем я думала! Ах, кабы он только умер нищим, и все осталось по-прежнему!

- Так он не завещал состояния племянникам и племянницам, как тебе сообщили? В этом ничего позорного нет.

- Ох! Завещал, еще как завещал, мэм; тут тоже все в полном порядке, мэм. И подумать только, что я так себя повела - надерзила вам и хозяину, которые всегда обходились со мною по-доброму! И кому же я теперь нужна, после того, как такое обнаружилось - а я-то и ведать не ведала ни о чем, не больше, чем нерожденный младенец!

Девушка снова разразилась безутешными рыданиями, и только с большим трудом, при помощи настойчивых расспросов миссис Гриторекс со временем удалось установить следующие факты.

Прежде чем Элис и ее брат смогли получить наследство, на которое претендовали, необходимо было предъявить определенные документы, отсутствие коих, равно как и иных, замещающих доказательств, привело к неизбежной огласке факта, до сих пор известного только немногим посвященным - а именно, что отец и мать Элис Хопвуд никогда не были женаты; это обстоятельство лишило детей какого бы то ни было права на наследство и нанесло сокрушительный удар Элис и ее гордости. С высот своего презренного тщеславия она рухнула вниз

- оказавшись вновь ввергнута в неприятельное состояние, над которым поднялась только для того,

чтобы презирать его из самых низменных побуждений и отстаивать и утверждать принципы, которыми некогда возмущалась, когда они затрагивали ее саму - и не только это, но, по ее собственному разумению, по крайней мере, она более не могла считаться respectable членом общества, к коим до сих пор себя относил. Взаимоотношения ее отца и матери отбрасывали на нее тень неизгладимого позора - тем более подавляющего, что отбросили ее от врат Рая, в которые ей вот-вот предстояло войти: падение свое она измеряла высотой социальных надежд, ею взлелеянных, которые, казалось, вот-вот должны были сбыться. Но нет в том зла, что дьявольские деньги, каковыми наследство обернулось для Элис с самого начала, превратились в ее руке в раскаленные угли. Нечасто падению предшествовала гордыня более неумная, и нечасто падение оказывалось столь неожиданным или столь унижительным. А воспоминание о собственном поведении, к которому Элис подтолкнули мифические богатства, превращало бичи ее наказания в скорпионы жала. И, хуже всего, она оскорбила своего жениха, дав понять, что тот не стоит ее внимания, а в следующее мгновение оказалось, что

сама она ее недостойна. Элис судила по себе, в ослеплении горького унижения, воображая про себя, как он вместе со своими сотоварищами потешается над незаконнорожденной плебейкой, пожелавшей сделаться знатной леди. Будь она более достойна честного Джона, она бы лучше его понимала. А так, большей удачи ей и не могло выпасть, нежели та, которая ныне представлялось ей непоправимым несчастьем. Если бы унижение не проложило путь смирению, она бы опускалась ниже и ниже, пока не утратила бы все, ради чего стоит жить.

Когда миссис Гриторекс, утешив девушку по возможности, наконец, отпустила ее, Элис, не в состоянии выносить собственное общество, поспешила в детскую, подхватила Фоси на руки и принялась горячо обнимать малышку. Фоси в жизни своей не бывала объектом изъявления столь пылких чувств, и потому весьма изумилась; а когда Элис опустила ее на пол, девочка вернулась к своему креслицу у очага и посидела немного, глядя в огонь - а затем воспоследовала любопытная пантомима.

У Фоси была привычка - детям свойственная чаще, нежели предполагают многие, - делать все возможное, чтобы постичь состояние души, внешние проявления коего не укрылись от ее наблюдательности. Она пыталась уловить чувство, вызвавшее то или иное выражение; только воспроизведение сходного состояния, послужившего объектом ее придирчивого наблюдения, посредством собственных органов восприятия, удовлетворило бы маленького метафизика - и не меньше. Но что и впрямь могло показаться необычным, так это способ, к которому она прибегала, чтобы достичь искомой достоверности сопереживания. Словно прилежный студент драматической экспрессии, достигаемой при помощи лицевых мускулов, она неотрывно наблюдала за выражением лица заинтересовавшего ее объекта, все это время, вполне сознательно, придавая собственному личику очертания и формы другого лица, насколько возможно; по мере того, как достигалось внешнее сходство, маленькая исследовательница психологии воображала, что приводит себя в состояние, породившее подмеченный феномен - словно выражение ее лица отбрасывало тень внутрь, отражалось в сознании, и так, посредством двух лиц, открывало уму то, что происходило и обретало очертания в уме ближнего.

В данном случае, упорно меняя и видоизменяя выражение лица точно у гуттаперчевой куклы, девочка, наконец, добилась оптимального соответствия, и некоторое время сидела так, погруженная в задумчивость, словно застывшая маска Элис. Постепенно искусственные черты разгладились и из-за них проглянуло ее невозмутимое, серьезное личико. Едва преображение завершилось, девочка встала, подошла к Элис, - та смотрела в огонь, не подозревая о том, сколь пристально за ней наблюдают, - заглянула ей в глаза, вынула палец изо рта и сказала:

- Господь наказует Элис? Ах, если бы Он наказал и Фоси!

В личике ребенка отражалось спокойствие Сфинкса; глубины серых глаз не затуманились дымкой; ни облачка не омрачило ясного, словно беспредельные небеса, чела.

Неужто дитя повредилось в уме? Что кроха имеет в виду, глядя прямехонько на нее этими огромными глазницами? Элис никогда не понимала свою подопечную; странно оно было бы, если бы малые разумели великих! Она еще не научилась узнавать слово Божие в устах младенцев и грудных детей. Но в лице Фоси заключалось еще нечто, помимо спокойствия и непостижимости. Что это было, Элис не смогла бы объяснить - но оно пошло ей на пользу. Она усадила девочку на колени - и та вскорости уснула. Элис раздела ее, уложила в кроватку и сама легла спать.

Но, как бы она не устала, ей пришлось-таки встать еще раз. Хозяйке опять сделалось плохо. Поспешно послали за доктором и сиделкой; двухколесные экипажи мчались в ночи туда и обратно, словно шумные бабочки, влекомые к единственному освещенному особняку на всей улице; внутри слышался приглушенный

звук шагов, тихо открывались и закрывались двери. Воды Мары всколыхнулись и затопили дом.

К утру они мало-помалу схлынули. Летти не ведала, что муж дежурит у ее постели. На улице воцарилась тишина. В особняке - тоже. Большинство домочадцев глаз не сомкнули всю ночь, но теперь все они легли спать, кроме посторонней сиделки и мистера Гриторекса.

То было утро Рождества, и малютка Фоси почувствовала это всеми фибрами своей души. Ей не пришлось бодрствовать всю ночь, потому проснулась она спозаранку, и, едва открыв глаза, принялась размышлять: он придет сегодня; но как он придет? Где ей искать младенца-Иисуса? Когда он придет? Утром, или днем, или вечером? Что, если ей уготовано великое горе: вдруг он появится не раньше ночи, когда ее снова уложат спать? Но она ни за что не заснет, пока не угаснет последняя надежда! Соберутся ли домочадцы все вместе, чтобы встретить его, или он явится к каждому по очереди, и наедине? Тогда ее очередь наступит последней, и ох, вдруг он так и не заглянет в детскую? Но, может быть, он вообще к ней не явится - ведь такую, как она, Господь и наказать не считает нужным!

Нетерпение нарастало и все сильнее подчиняло ее себе: девочка никак не могла более оставаться в постели. Элис крепко спала. Вероятно, было еще очень рано; но шторы мешали понять, рассвело или нет. Как бы то ни было, Фоси решила, что встанет и оденется, и окажется готова встретить Иисуса, когда бы он не пришел. Верно, одеваться сама она не особо умеет, но он об этом знает и возражать не станет. Малышка принялась лихорадочно приводить себя в порядок, с трудом справляясь с непослушными застежками, и принарядилась, как смогла.

Она выскользнула из комнаты и сошла вниз. В доме царило безмолвие. Что, если Иисус придет и никого не застанет на ногах? Он уйдет восвояси и никого не оделит подарками? Для себя девочка ничего не ждала - но, может, он позволит ей забрать подарки для других? Пожалуй, следовало всех разбудить, но Фоси не смела: сначала следовало удостовериться своими глазами.

С последней лестничной площадки второго этажа, в приглушенном свете газовой лампы в конце коридора, девочка заметила, как у подножия лестницы прошла незнакомая фигура; не причастна ли она к чуду дня? Женщина подняла голову, и вопрос замер у Фоси на устах. Однако, может статься, это поденщица, чья помощь в день ожидаемого пришествия совершенно необходима. Спустившись вниз, малютка увидела, как незнакомка скрылась в комнате мачехи. Это девочке не понравилось. То была единственная спальня, куда ей запрещалось заходить. Но, поскольку в доме по-прежнему царит тишина, она обыщет все прочие комнаты и, если не найдет младенца, то присядет в прихожей и станет ждать.

Комната у основания лестницы, напротив мачехиной спальни, предназначалась для гостей; с ней у девочки ассоциировались понятия о великолепии и роскоши; так где же лучше начать поиски, как не в гостевых покоях? Ага! Неужели? Да! Сквозь неплотно закрытую дверь пробивался свет. Либо младенец уже там, либо там-то его и ждут. Начиная с этого мгновения девочка почувствовала, что душа ее вдруг словно отделилась от тела. В упоении восторга забыв про страх, она робко заглянула внутрь и затем вошла. У изножия кровати на низком столике горела свеча, но никого не было видно. Рядом со столом обнаружился стульчик; она посидит там при свече и подождет младенца! Но не успела Фоси дойти до стула, как внимание ее привлекло нечто, лежащее на кровати. Малютка завороченно замерла на месте. Возможно ли такое? А вдруг? Должно быть, младенец оставил это здесь, а сам ушел в комнату матушки с подарками для нее. Более восхитительной куклы и представить невозможно! Девочка шагнула ближе. Свеча горела тускло, повсюду лежали тени; Фоси не могла разглядеть толком, что перед ней. Но, подойдя к кровати вплотную, она убедилась воочию, что это - и в самом деле кукла... может быть, предназначенная как раз для нее... но, вне всякого сомнения, самая совершенная из кукол. Девочка подтащила к кровати стул, взобралась на него, осторожно обхватила куклу ручонками и, бережно прижимая находку к груди, соскользнула вниз. Ощувив под ногами твердый пол, Фоси, преисполненная торжественного спокойствия и священного благоговения, понесла дар младенца Христа к свече, чтобы вдоволь полюбоваться его красотой и оценить его по достоинству. Но едва свет упал на находку, как в душе ее пробудилось странное, неясное сомнение. Что бы это ни было, оно само воплощение красоты, прелестный малыш с алебастровым личиком и изящно изваянными ладошками и пальчиками! Длинная ночная рубашечка скрывала остальное. Возможно ли? Неужели? Да, верно! Должно быть, так - перед ней не что иное, как самый настоящий младенец! Какая она глупышка! Разумеется, это - сам младенец Иисус! Ибо разве сегодня - не Рождество, тот самый день, в который он всегда появляется на свет? Если она и прежде с благоговением глядела на дар, какого же величия беззаветной любви, какого священного достоинства преисполнилась она, держа на руках самого младенца! Она затрепетала от восторга и в экстазе прижала младенца к своему переполненному сердцу - и в следующее мгновение замерла, примиренная с вечностью, в ладу с Господом. Она опустила на стул рядом со столиком, спиной к свече, чтобы лучи не попадали в глаза спящему Иисусу и не разбудили его; там сидела она, позабыв обо всем, во

власти неизбывного блаженства, она же - мать и раба Господа нашего Иисуса.

Фоси просидела так некоторое время, неподвижно, словно мрамор, ожидая, чтобы мрамор проснулся; словно самая нежная из матерей, заботясь о том, чтобы не разбудить младенца раньше времени, хотя сердечко ее разрывалось от нетерпения: так хотелось ей обратиться младенцу с жаркой мольбой, чтобы тот, в свою очередь, попросил Отца своего наказать ее, если можно. И, не трогаясь с места, Фоси принялась, по обыкновению своему, видоизменять выражение собственного лица, добиваясь сходства с младенческим личиком, для того, чтобы понять его неподвижность - совершенное спокойствие, запечатленное в его чертах. Но едва цель была достигнута, в ней снова пробудилось внезапное сомнение; Иисус лежал так неподвижно - не шевелясь, не открывая бледных век! А, раз начав размышлять, Фоси подметила, что он и не дышит. Девочке доводилось видеть спящих младенцев: их дыхание казалось размеренным, крохотные грудки приподнимались и опадали, и иногда они улыбались, а иногда постанывали и вздыхали. Но Иисус ничего подобного не делал; ну, разве не странно? И потом, он холодный - ох, до чего холодный!

Кровать была застелена синим шелковым покрывалом; Фоси приподнялась на стульчике, стянула покрывало вниз и закутала им себя и ребенка. Со скорбным сердцем, безмерно скорбным, но не падая духом, она оставалась на месте, держа младенца на коленях и не сводя с него взгляда.

Глава 6.

Тем временем утро Рождества переходило в день. Взошло солнце, и свет затопил дом. Спящие спали долго, но в конце концов проснулись. Элис пробудилась последней - от беспокойного сна, в котором события ночи сливались с ее собственным незавидным положением и горестной судьбой. В конце концов, Полли добрая, размышляла девушка, - подняла Софи, не потревожив ее.

Она не пробыла внизу и нескольких минут, когда невероятные и жуткие слухи - не скажу, стали передаваться из уст в уста, - но каким-то образом распространились по всему дому, - и все домочадцы в тревоге устремились наверх.

Сиделка заглянула в комнату для гостей и не обнаружила маленького покойника, оставленного ею там. Кровать находилась между нею и Фоси, и она не заметила девочку. Накануне ночью доктор строго отчитал ее за какую-то оплошность; в отместку она первым делом заподозрила его, и, заглянув на всякий случай в кухню и ничего не добившись, поспешила к мистеру Гриторексу.

Слуги столпились в комнате для гостей, и когда их хозяин, не поверив слухам, однако изрядно потрясенный сообщением, поспешил на место событий, он обнаружил, что все его домочадцы сгрудились у изножья кровати. Тусклый солнечный свет едва пробивался сквозь алые занавеси, придавая нездешний, мертвенно-бледный оттенок пламени догорающей свечи. Сперва он не видел ничего, кроме толпы слуг - молча застыли они на месте, наклоняясь вперед и пристально вглядываясь; он пришел вовремя; еще мгновение, и чудесная картина была бы испорчена. Он шагнул вперед и увидел Фоси, укутанную синим покрывалом. В свете свечи непокорные кудри, так и не поддавшиеся расческе, несмотря на все усилия девочки, казались мерцающим ореолом вокруг головки и бледного лица: холод и горе отняли у него краски, сделали его столь же матовым как и то, что покоилось на ее руке и света никогда не видело. Фоси вглядывалась в маленькое личико до тех пор, пока не распознала смерть, и теперь, словно безгласная мать скорби, замерла, склонившись над телом святого дитяти в неясном свете гробницы.

Каким образом, я не знаю, но едва отец увидел девочку, она подняла взгляд и чары немоты пали.

- Иисус умер, - проговорила она отрешенно и печально, но с полным спокойствием. - Он умер, - повторила она. - Он пришел слишком рано; и некому было о нем позаботиться, и он умер - умер - умер!

Но, при последних словах, застывший комок агонии поддался; родник сердца ее переполнился, забил и хлынул через край, и последнее слово прозвучало не то рыданием, не то иступленным возгласом беспросветного отчаяния и утраты.

Элис метнулась вперед и ласково отобрала у девочки мертвого младенца. В то же мгновение отец подхватил маленькую мать на руки и привлек ее к груди. Девочка обвила ручонками его шею, склонила головку ему на плечо, и мистер Гриторекс унес ее из комнаты - рыдавшую горько и отчаянно, однако уже немножко утешенную.

- Нет, Фоси, нет! - услышали слуги. - Иисус вовсе не умер, благодарение Господу! Это всего лишь твой маленький братик: в нем было слишком мало жизни, и он вернулся назад, к Богу, чтобы попросить побольше.

Плача, женщины сошли вниз. Элис все еще заливалась слезами, когда в дом вошел Джон Джефсон. Позабыв о собственных несчастьях под впечатлением увиденного, она бросилась ему на грудь и разрыдалась.

Джон оцепенел от изумления.

- Господи, да это и впрямь Рождество! - выдохнул он наконец.

- Ох, Джон! - воскликнула Элис, высвобождаясь из его объятий. - Я и позабыла! Ты со мной теперь и разговаривать не станешь, Джон! И не надо, Джон!

С этими словами она тихо вскрикнула и снова разрыдалась, закрыв лицо руками.

- Послушай, Элис!.. Ты ведь не вышла замуж, нет? - изумился Джон, для которого существовало только одно непоправимое горе.

- Нет, Джон, и никогда не выйду; порядочный человек вроде тебя на такую несчастную, как я, дважды и не взглянет!

- И все-таки давай-ка поглядим еще разок! - возразил Джон, отводя ее ладони от лица. - Расскажи мне, что случилось, и ежели дело можно поправить, так я с утра до ночи стану работать, а тебя выручу, моя Элис!

- Дела ничем не поправишь, Джон, - отозвалась Элис, и готова была уже снова пуститься по волнам океана собственного горя, но, невзирая на ветер и прилив, то есть всхлипывания и слезы, она задержалась-таки у берега по его просьбе и поведала свою беду, не умолчав и о том, как отправилась к старшему из кузенов, унаследовавшему, благодаря их с братом несчастью, куда больше причитающейся ему доли, и "принялась унижаться", умоляя хоть самой малостью помочь ее брату, умирающему от чахотки, тот едва не приказал вытолкать ее за двери, клянясь, что знать не желает ни ее, ни брата, и утверждая, что ей должно быть стыдно являться в дом к порядочным людям.

- А мы-то еще детишками вместе куличики лепили! - возмущенно закончила Элис. - Ну вот, Джон! - вот и вся тебе история, - добавила она. И что теперь?..

С этими словами она проникновенно, смиренно-вопрошающе заглянула в его честные глаза.

- Это все, Элис? - переспросил он.

- Да, Джон; разве этого недостаточно? - отозвалась она.

- Больше чем достаточно, - ответил Джон. - Клянусь тебе, Элис, ты мне теперь в десять раз дороже, чем была, даже если бы ты вышла за меня с десятью тысячами в сумочке. Послушай, милая: никогда не видел тебя и вполтину такой пригожей, как сейчас!

- Но стыд-то какой, Джон! - вздохнула Элис, понутив голову и тем самым скрывая радость, что сияла сквозь пелену горя.

- Это уж пусть твои отец и мать сами промеж себя улаживают. Не мое это дело. Благодарение Господу, мы поступим иначе. Когда же, девочка моя?

- Когда захочешь, Джон, - отвечала Элис задумчиво, не поднимая головы.

Высвободившись из чересчур крепких объятий, с которыми жених встретил ее согласие, девушка заметила:

- Думается мне, Джон, что деньги - нехорошая штука! Точно тебе говорю: едва я прослышала о богатстве, в меня словно бес вселился. Ты меня ненавидел, Джон? Скажи правду!

- Нет, Элис, хотя и всплакнул о тебе малость. Ты была вроде как одержимая.

- Я и была одержимая. Сдается мне, кабы у меня деньги-то не отобрали, я бы за тебя замуж ни за что не пошла, Джон. Подумать жутко, верно?

- Пожалуй, что и не пошла бы. Ну, конечно, нет! Как можно? - неохотно признал Джефсон.

- Ах, Джон, не говори так, этого я не потерплю! Нечего меня оправдывать, а то я, чего доброго, опять

зазнаюсь! Я - гадкая, чванливая дрянь, вот что я такое! А виной всему - только низменное тщеславие!

- Элис, помни, ты теперь моя; а уж что мое, то мое, и хулить мое достояние я не позволю! По мне, ты в два раза лучше, чем была прежде, и весь мир второго такого рождественского подарка мне не сделает - ни под каким видом, будь то даже коробка, доверху набита золотыми часами да ростбифом!

Когда мистер Гриторекс вернулся в спальню жены, рассчитывая застать ее спящей, как и оставил, он не на шутку встревожился, услышав, что от кровати доносятся тихие всхлипывания. Интонации или случайно оброненного слова, для ее ушей не предназначенного, хватило, чтобы открыть ей правду о ребенке.

- Тише, тише! - сказал он: в сердце его было больше любви, нежели теплилось там на протяжении многих месяцев, и, следовательно, в голосе прозвучало больше любви, нежели Летти слышала в течение того же срока. Если ты станешь плакать, ты расхвораешься. Тише, милая!

Он склонился над больной, и, в следующее мгновение, не успел он помешать, как жена обвила руками его шею.

- Муж мой, муж мой! - воскликнула она. - Это моя вина?

- Ты держалась лучшим образом, - отозвался он. - Ни одна женщина не выказала бы больше мужества.

- Ах, но я не осталась дома, когда ты мне велел!

- Забудь об этом, дитя мое, - проговорил он.

При этих словах Летти привлекла его ближе, к самому своему лицу.

- У меня есть ты, и мне этого довольно, - добавил Август.

- А я тебе в самом деле нужна? - всхлипнула она и разрыдалась в голос. - Ох! Я этого не заслуживаю! Но теперь я буду хорошо себя вести; обещаю, что буду!

- Тогда ты должна начать прямо сейчас, родная моя. Ты должна лежать очень-очень спокойно и совсем не плакать, а не то ты отправишься вслед за младенцем, и я останусь один.

Летти подняла взгляд: в лице ее сиял такой свет, о котором он и не подозревал раньше. Никогда еще она не казалась мужу настолько прекрасной. Затем она отняла руки, сдержала слезы, улыбнулась и отвернулась к стене. Он осторожно убрал ее ладони под одеяло, и через минуту-две она снова крепко уснула.

Глава 7.

В тот день, когда Фоси и отец уселись за рождественский ужин, мистер Гриторекс снова встал, и подняв девочку вместе со стульчиком, переместил ее поближе к себе, по другую сторону от

угла. И это положило начало новому соглашению между ними. Глаза отца внезапно открылись, он впервые постиг ее характер и ценность, осознал собственный долг в отношении к ней, коим доселе пренебрегал - и словно животворный источник забил у его ног. Отныне каждый день, глядя малютке в лицо и разговаривая с ней, он проникался все большим уважением к тому, что обнаруживал в дочери, преисполнялся все большей нежности к ее предпочтениям и все большего благоговения - к божественной мысли, заключенной в ее невежестве, к ее детской мудрости и смиренным исканиям так что, наконец, он ужаснулся бы при мысли о том, чтобы воспитать дочь согласно собственным представлениям о жизненном пути - ведь разве не предстояло ей пройти своим путем, вослед - не мертвому Иисусу, но Тому, кто жив вечно? Пытаясь помочь дочери, он вынужден был определить и собственное место по отношению к истине, и результаты не замедлили сказаться. Но влияние ребенка распространялось не только на будущее. В общении с отцом девочка так часто напоминала ему о первой жене, и притом с истолкованиями и комментариями детского восприятия, что его воспоминания о покойной со временем сделались нежнее, и через ребенка он стал понимать характер и достоинство матери. Через ребенка она вручила ему то, чем не смогла стать сама. Не в силах удержаться с ним наравне, она вручила ему малютку - и рухнула на дорогу.

Но радовала его не только маленькая Софи. Благодаря общей утрате и нежности мужа Летти мало-помалу начала взрослеть. И рост ее оказался тем более стремителен, что, благодаря уроку, преподанному Фоси, муж больше не пытался навязать ей свои вкусы и суждения, основанные на его собственном опыте, но, как подобает более старшему и более умудренному, разделил ее вкусы и ее опыт - так сказать, снова стал

ребенком вместе с нею, чтобы, через то, чем она была, помочь тому, чем ей предстояло стать.

Как только больная окрепла настолько, чтобы выдержать потрясение, муж поведал ей историю о мертвом Иисусе, и вместе с рассказом в ее сердце влилась любовь к Фоси. Она на краткий срок утратила сына - но навсегда обрела дочь.

Вот такие дары принес в дом под Рождество младенец Христос. И дни скорби для этой семьи закончились.

1 In partibus (infidelium) -- (лат). "в странах неверных", то есть за пределами Англии; выражение добавлялось к титулу церковных деятелей, назначавшихся на должности епископов нехристианских стран, преимущественно восточных. (прим. перев.).

2 Джон Локк (John Locke, 1632-1704) - английский философ; согласно Локку, интеллект человека, только вступающего в жизнь, подобен чистой табличке для письма, на которой дальнейший опыт оставит свой отпечаток.

3 Джон Мильтон (John Milton, 1608-1774) - английский поэт, автор эпических поэм "Потерянный Рай" и "Обретенный Рай". "Королева Фей" эпическая поэма Эдмунда Спенсера (Edmund Spenser, 1552-1599), английского поэта эпохи Возрождения. Оба автора по праву считаются классиками английской литературы.

4 "Путь паломника" - аллегорическая повесть Джона Беньяна (John Bunyan, 1628-1688): в аллегорической форме изображает жизненный путь христианина. Долина Уничтожения - одно из мест, куда попадает герой в поисках Небесного Града.

5 Бедлам - (разг.) Вифлеемская королевская больница, психиатрическая лечебница, основанная в 1247 г. в Лондоне.

6 M(hrchen - (нем.) сказка.